

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ, КУЛЬТУРА В ЛИЧНОСТИ

И.И. Квасова

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10 а, Москва, Россия, 117198

Личность — диалектическая связь индивидуального и социального. Эта связь реализуется через деятельность, общение, ответственность перед другими, через коммуникацию. В этом процессе происходит самоутверждение личности. Это выражается в разных феноменах культуры, особенно в искусстве, так как оно в наибольшей степени носит личностный характер.

Ключевые слова: личность, коммуникация, смысловое содержание социального опыта, ценности, культура, искусство.

До середины XX в. в моделях личности преобладал в основном рационалистический подход. Однако назревающий кризис культуры (личности — тоже) приводит к мироощущению, требующему признания самоценности различных культур, а следовательно, поиску человеком новой идентичности.

Возникает проблема: как совместить признание разнообразия и конкретной деятельности человека с идеей единства жизни на Земле, достижения социальной общности. Можно говорить о социальном и витальном уровнях бытия личности. Первый — социальный — общий для всех людей, он обусловлен экономикой, производством, социальными системами, т.е. реальным взаимодействием людей, их взаимозависимостью друг от друга. Другой уровень — витальный — специфичен для каждого человека или субъекта (группы, субкультуры и т.п.), обусловлен индивидуальным (специфичным) опытом жизни, культурой, формой бытия, способностью интегрироваться в социум путем коммуникации. «Само бытие человека, — писал Бахтин, — есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться, значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он всегда на границе. Смотришь внутрь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п.» [1. С. 285, 312].

Из трех типов социального характера (ориентированного на традиции, ориентированного на себя, ориентированного на других) современная личность имеет

гораздо больше общих черт с характером любой другой личности своего времени, пусть даже принадлежащей к принципиально иным социальным стратам, нежели с характером своего отдаленного предка. Иными словами, ориентация на других, обусловленная современными социокультурными обстоятельствами, создает базу сближения, взаимопонимания — своеобразную интернализацию — процесс перевода требований, внешних по отношению к индивиду, на уровень внутренних ценностей.

Об этом механизме П. и Б. Бергеры пишут, что «он может кое-что сделать с контролем над человеческим поведением. Невозможно окружить индивида другими людьми, которые постоянно будут говорить: „Делай это“ или „Не делай этого“. Когда эти предписания интернализированы в собственном сознании индивида, поддержка извне требуется лишь время от времени. Большую часть времени индивиды будут контролировать себя сами. Однако интернализация не только контролирует индивида, но и раскрывает перед ним мир... дает ему возможность сделать богаче свой собственный внутренний мир». Объяснить это можно тем, что «только путем интернализации голосов других мы можем говорить сами с собой... Только через других мы можем прийти к открытию самих себя» [2. С. 83, 84].

Важно иметь в виду, как социализация вводит ребенка в конкретный социальный мир. Не менее важно, что этот процесс направлен и на самого ребенка, т.е. социализируется человек не только в конкретный мир, но и в самого себя. Этот диалектический процесс выражен в мидовском *I* и *me*. *I* представляет существо, обладающее спонтанной осведомленностью о себе, *me* представляет ту часть себя, которая формируется обществом. Эти два аспекта самого себя могут вступать в разговор друг с другом, что приводит к изменениям в микромире индивида. А ситуация взаимодействия «лицом к лицу» с другими людьми впоследствии позволяет установить связь с социальной вселенной в целом. «Наше имя, наш самоимидж, наше сознание, — пишет Коллинз, — приходят из нашего взаимодействия с другими людьми. Ваше Я — это идея того, чего вы придерживаетесь, и того, чего другие люди придерживаются относительно вас» [2. С. 456].

«Присвоить» что-то, пометить его как «свое» можно только извне. По этому поводу С. Жижек пишет: «Для обретения самоидентификации, самоидентификации субъект должен идентифицироваться с воображаемым другим — должен подвергнуть себя отчуждению, вынести свою идентичность вовне себя» [5. С. 110].

Как вопрос об Ином всегда оказывается вопросом о самости, так и вопрос о самости всегда есть вопрос об Ином. Именно бахтинская «вненаходимость» и есть это Иное, не-Я, которое ограничивает и тем самым порождает самость: «В нас как бы встроен какой-то формальный Некто как носитель наших социальных идентификаций. Он везде и всюду надежно обеспечивает приоритет Чужого по отношению к Собственному: там, где, казалось, я существую как Я, на моем месте мне то и дело предшествовали другие, стремясь запрограммировать меня как автомат посредством моей социализации, делая меня достоянием общества» [7. С. 102].

Есть общее в ролевом поведении людей, в их отношении к целям и средствам деятельности в аналогичных социальных ситуациях. При этом личность выступает как устойчивая совокупность социально значимых черт и способностей, обусловленных его включенностью в общественные взаимодействия. Она — не только продукт общественных отношений, но и основная причина, источник изменения общества, создания и функционирования устойчивых форм социальной жизни. Личностная диалектика жизни включает в себя, с одной стороны, внешне обусловленную, детерминированную деятельность, с другой стороны, направленность на определенные ценности. Это, в свою очередь, конкретизируется в индивидуальном стиле жизни, перспективах, планах. Здесь личность оказывается мерой сознательного присвоения и индивидуального проявления в процессе деятельности, познания и общения в конкретно исторических условиях своей социальной сущности как индивидуального выражения совокупности общественных отношений. В этом диалектическом процессе человек создает культуру как сферу самовыражения и самоутверждения в мире. Культура всегда личностна. Каждая личность превращает ее в содержание своей жизнедеятельности, а также в то богатство человечества, в котором содержатся и функционируют способности, творчество людей, опыт их коммуникации между собой в историческом и конкретном социокультурном контексте.

Реализуя творческие способности субъекта, культура взаимоувязывает и институционализирует их в нормативно-ценностные системы: науку, политику, искусство, религию, язык, СМИ и т.п. В процессе такой институционализации происходит превращение личностных смыслов в систему социальных отношений. При этом социальное и индивидуальное, личностное не противостоят друг другу. Это не две плоскости, а одна, единая ткань социальной жизни.

В связи с этим возникает проблема коллективизма — притча во языцех для либералов, считающих коллективизм одним из главных препятствий преобразования общества. Им эта позиция нужна для слома традиционной российской нравственности как особого признака духовности. Но эта позиция не согласуется с историческими фактами, в частности, с ролью традиционного коллективизма, например, в Японии, Корее, Китае, где он не только не препятствует рыночной модернизации, а даже способствует большей эффективности менеджмента.

Достаточно актуальны исследования М. Вебера о капитализации западного мира, которую осуществляли не одиночки, а протестантские общины. Религиозная община, оказывающаяся в конфессионально чуждой среде, чтобы выжить, должна была заниматься активной хозяйственной деятельностью. Это создавало мощную мотивацию к деятельности и личностному самоограничению. Подчеркивая социально-культурные предпосылки капитализации, Вебер фактически приходит к выводу о вторичности экономики по отношению к культуре. Духовный опыт оказывается не только результатом осмысления реальных условий и способов жизни, но и важнейшим стимулом их изменений.

Динамику этих изменений обычно задают общности кланового типа, маргинальные по отношению к культуре среды, субкультуры или общности. В культуру оказывается как бы встроенным субкультурный механизм изменения культуры.

Для развития общества, в том числе и для успешной модернизации, должна существовать достаточно зрелая традиционная культура с ее общинно-коллективистским сознанием и мотивацией.

Индивидуализм и потребительство не могут быть нравственной основой модернизации. И в технологии современного менеджмента активная хозяйственная деятельность, инициативность, деловитость, правосознание оказываются связанными с сознанием сопричастности некоторому *мы*, патернализмом, преданностью индивида сообществу, когда фирма или финансовая группа предстает своеобразным кланом, семьей. Всякая активная деятельность опирается на некоторую идентичность, сопричастность личности. Это предполагает нравственную аскезу, самоограничение индивидуального в интересах общего.

Речь не идет о том, что всем участникам свойственна одинаковая мотивация, а о том, что множество самых разных субъективных мотивов могут искать себе выход и находить его в одном и том же виде коллективной активности. В этой неоднородной структуре мотиваций индивидуализированные потребности и мотивы образуют своего рода «сырьевой ресурс», из которого кристаллизуется социальный процесс

Исследуя религию, Р. Коллинз делает обобщающий вывод о том, что социальные по сути понятия «правильного» или «неправильного» — природно коллективные, так как регулируют связи между людьми. Например, моральная правота — это то, что делает человека членом группы. Моральное наказание — отрешение от чувства принадлежности к обществу. Почему люди привержены заповедям морали? — спрашивает Коллинз и отвечает, что этого требует группа. Моральное зло — это проступок против группы. Моральное наказание — отрешение от чувства принадлежности к ней. И приверженность заповедям морали объясняется также тем, что этого требует группа, а индивиды хотят принадлежать группе. Во все не обязательно каждому индивиду разделять одни и те же моральные ценности. Дело в той эмоциональной энергии, которую люди получают от участия в делах группы. Индивид благодаря этой энергии может делать такие вещи, каких не будет делать в одиночку. Группа заставляет его почувствовать себя сильным, потому что он ощущает себя частью чего-то такого, что гораздо сильнее его как индивида. Путем вхождения в группу индивиды могут сделать себя сильнее и целеустремленнее, и именно участие в общем деле обуславливает не статичное скопление индивидов, а динамичную, взаимосцепленную силу.

Речь идет об общем через отдельное, социальном через личностное. Социальное развитие — постоянное порождение новых культурных смыслов и ценностей через личностный опыт, с одной стороны, осознания сопричастности единому, с другой — гарантий полноты разнообразия смыслов.

Условием оформления смысловых структур, их фиксации, трансляции оказывается духовная общность — идентичность личностей. Принадлежность к той или иной культуре есть не столько результат навязывания стереотипов и ценностей, сколько проявления самоопределения личности, ее сознательного выбора.

Каждый человек оказывается обреченным на культуротворчество, которое есть дело его свободного решения и выбора. Это задача не только выдающихся

личностей, но и каждого конкретного человека. Всякий поступок есть действие неповторимого субъекта, занимающего свое единственное место в жизни. Но личный выбор индивида соотносится с заданным набором альтернатив. Отсюда неизбежность активного выбора действующим субъектом культурных ориентиров собственного поведения из набора потенциальных альтернатив — как системы значений, приобретающих действительность и смысл только в процессе их использования. В результате культура выступает не как функционально организованный механизм и не как результат социально-экономического, политического развития, а как необходимое условие и фактор этого развития.

Личность «строит» новый образ себя, который включает идею Другого с его культурой как равноценное в отношении к моему Я. Оказывается, источник нашей жизни (желаний, переживаний, воли...) не только в нас самих, не только в истории семьи, народа, но и в Других, в их своеобразии.

В силу своей «внезаходимости» человеческое существование коренится не столько в реальном бытии, сколько в его смысле, возникающем за счет самого факта «вхождения» человека в ткань бытия. Здесь происходит интерсубъективная связь, обеспечивающая взаимопонимание, коммуникации, возможность политического, морально-правового и всякого иного сосуществования носителей различного смыслового и ценностного содержания.

Возникает проблема: как личностное смысловое измерение реальности переходит в общее социальное значение, становясь смысловым содержанием социального опыта? Это уже проблема собственно культуры как способа социального бытия людей как бытия символического и осмысленного.

Другими словами, важно понять, в каких видах осуществляется совместное или параллельное действие многих индивидов, которое составит содержание социокультурного процесса. Важно и то, какие характеристики реальных людей при этом имеют принципиальное заключение.

Энергетика импульсов, под действием которых личность принимает и воспроизводит социальный опыт, придает ей динамику, обеспечивает ее как носителя самосознания, источника смыслообразования и символических форм бытия, манипулятора кодами, наконец как субъекта неповторимо-уникальной траектории в бытии.

Все многообразие объяснения личности можно свести по крайней мере к трем основным подходам:

— мысли и поступки личности предопределены окружающей средой, внешними факторами;

— человек — носитель некоего специфического начала, проявления которого определяют жизнь личности (действие инстинктов, зависимость от знака зодиака или темперамента, связь с соответствующими «стихиями» и т.п.);

— человек и окружающая среда находятся в дисгармонии, порождающей ощущение дискомфорта. Человек представлен как динамическое равновесие воздействий внешней среды и внутренних мотивов. Любые факторы, определяющие человеческое поведение, объективны, но они реализуются лишь через человека, став субъективными. Все побудительные мотивы, вызывающие его действия, должны превратиться в побуждения воли личности.

Личностный характер потребностей, определяющих мотивы поведения, имеет важное значение в нравственно-этическом плане. С человеком можно сделать многое: применить насилие, ограничить свободу, лишить жизни. Но даже под пыткой или угрозой смерти люди ведут себя по-разному. Это зависит не столько от характера применяемых внешних стимулов, сколько от взглядов, убеждений, представлений, идеалов, т.е. от внутренних мотивов данной конкретной личности.

В любом мотиве можно выделить два начала: побуждающее к действию, направляющее его и динамизирующее поступок. В первом случае можно говорить о стремлениях, во втором — об условиях. Важную роль играют возможности человека — способности, умения, подготовка, квалификация и т.д. Соотношение намерений и возможностей во многом определяет эмоциональный настрой личности. Дополнение намерения возможностями, целей — знаниями о путях и способах их достижения дает полноту субъективного разрешения противоречия между реальным и необходимым, преодоления дискомфорта.

Любое развитие всегда осуществляется благодаря сложившимся социокультурным «тканям». Опыт всех российских принудительных реформ (сверху) был и остается опытом разрушения традиционной культуры. Что же касается трансформирующихся экономических, политических, этнонациональных структур общества, а также бизнеса и менеджмента, то все они немыслимы без формирования культуры. Этика деловых отношений играет важную роль в динамике нравственной культуры общества. Деловая активность не может быть нейтральной, она должна содержать оценки, соответствующие определенным социокультурным нормам и принципам.

Современный бизнес осуществляется в контексте культуры в том смысле, что успех дела все больше зависит не только и не столько от позиционирования товара на рынке, сколько от имиджа фирмы, все чаще продается не просто товар, а определенная марка. Можно говорить о нарастании гуманитарного, культурологического содержания современного менеджмента. Современное управление все меньше напоминает инженерно-технологическую систему, оно предстает как процесс, в котором менеджер становится не столько командиром, сколько консультантом, организатором культуры, отношений, образа жизни и т.п., т.е. в деятельности руководителя акценты переносятся с целерациональной (достижение результата любыми средствами) на ценностно-рациональную (по М. Веберу) деятельность.

Бизнес и культура предполагают и дополняют друг друга. Многие специалисты по менеджменту считают, что только общество, в котором сложились и вызрели развитые формы сотрудничества делового мира и сферы культуры, способно к саморазвитию и саморегуляции социально-экономических и социокультурных процессов.

Менеджмент ориентируется не столько на результат, сколько на процесс. Главным вопросом становится не «что?», а «как?». Важно не столько то, чем занимается фирма, а ее традиции, репутация, имидж. Строится такой менеджмент не на организационной иерархии, а на неформальных отношениях, сопричастности каждого работника общему делу, сознанию *мы*. В таком случае и решающим фак-

тором для сплочения общества оказываются не абстрактные рационалистические идеи справедливости и свободы, а конкретная корпоративная культура, реализующая это сознание «мы» на уровне первичного опыта, переживаний, идентичности личности и ее сопричастности некоторой общности и некоему смысловому комплексу.

Что же собой представляет личность как субъект переходных состояний и процессов? Что гарантирует ее тождественность? Или результатом каждого перехода является новая личность? Чем она определяется? Бесспорно — культурой, дающей язык, нормы, образцы поведения и мышления, а также единство переживаний с другими людьми, а также в адаптации к новым условиям и ситуациям.

Постмодернизм толкует сложности и противоречия существования человека в современном мире как распад целостности личности, фиксируя действительно возникший момент ухода свободы и ответственности за ее границы. Отсюда делается вывод о невозможности идентификации в новом социокультурном пространстве. Духовные итоги XX и начала XXI вв. относительно человека в самом деле противоречивы. С одной стороны, человек во многом оказался под давлением безличных стихий: природных, социальных, научно-технических. С другой стороны, роль человека неизмеримо возросла в результате техногенных новаций, активного освоения космоса. В современной физике и космогонии сформулирован принцип антропности, в соответствии с которым основные физические константы (скорость света, движения, параметры объектов и т.п.) обусловлены фактом существования человека. Все это выводит человека в социокультурной ориентации на первый план, поэтому современная культура возможна как путь возвышения человека, как расширение личностного потенциала, важным ресурсом которого является индивидуация. Она — важнейший фактор социальной адаптивности и самореализации. Именно в культуре человек безграничен и бесконечен.

Метафизическое измерение человека позволяет раскрывать потаенные глубины индивидуального Я, разные уровни сложно-образующих структур. С древнейших времен, когда люди задумывались о том, что есть человек, отмечали, что он — свидетель происходящего, своеобразные «очи» в этом мире. Например, идея средневековой мистики Мейстера Экхарта состоит в том, что в людях есть некая инстанция, которая всегда бодрствует и наблюдает за всем происходящим. Люди как эмпирические существа могут спать, забывать, что-то вспоминать, быть бессознательными, но эта инстанция остается и свидетельствует о чем-то вечном в людях, о той целостности, которая представляет собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через деятельность людей. Их духовный опыт содержит все уровни и слои психической реальности — от бессознательно-иррациональных ее глубин, реализующихся в интуитивно-спонтанных формах творческой активности, до осознанно-рациональных уровней, проявляющихся в программно-дискурсивных методах, приемах и формах творчества. Этот духовный опыт зависит от того, насколько психическая реальность находится в динамическом взаимодействии с внешним, объективно-предметным бытием, а также включенностью в имманентно-трансцендентную связь субъектов между собой.

Все проблемы человека — это, как правило, проблемы, связанные с обрывом коммуникаций, с нарушением нормального общения, с потерей полноты переживаний, перспективы и глубины контактов. Это означает, что утрачивается контакт с истоками нашей жизни, и тогда оказывается, что мы живем не в подлинном бытии, а существуем как бы на плоскости. Полноценная включенность субъектов в бытие не осуществляется автоматически, требует определенных усилий, а при критических нарушениях, разрывах требуется участие определенных духовных сил: для кого-то это обращение к религии, молитве, для кого-то — к шаманам, гуру, психотерапевтам. Огромная роль в жизни человека, в том числе в критических ситуациях, принадлежит искусству, наилучшему пути вхождения в культуру, в котором находит наиболее полное выражение духовный опыт. Он рождается в человеческой истории из необходимости коммуникации с другими и является важной составляющей системы жизнеобеспечения социума.

Искусство есть мост между двумя мирами. Оно вскрывает глубинную действительность, которая и есть подлинная реальность. Настоящее искусство не отображает эмпирической реальности как таковой, а проникает в *другой* мир. Бердяев, анализируя романы Достоевского, отмечает, что в них сквозь фабулу и криминальный сюжет просвечивает «иная реальность, не реальность эмпирического, внешнего бытия, жизненного уклада, а реальность духовной глубины человека, реальность человеческого духа» [3. С.33]. В самом деле, таинственность подсознательного, еще не раскрытого для человека в эмпирической своей явленности мира, пронизывает жизнь персонажей Достоевского. Все сложные взаимоотношения и столкновения обнаруживают не объективно-предметную, реальную действительность, а внутреннюю жизнь, судьбу людей. И эта внутренняя судьба каждого человека, загадка его Я разрешаются у Достоевского не путем анализа диалектики среды, природы вещей, а обращением к диалектике его души, глубинам духа, выражающимся в жизни идей, которыми поглощены все персонажи его произведений. Бердяев говорит именно о том, что в творчестве Достоевского происходит возвращение человека к его имманентной духовной глубине, преодоление отчуждения от человека его глубинного духовного мира.

Некоторые особенности проникновения к истокам бытия можно показать на примере живописного портрета. На первый взгляд, это воспроизведение «поверхности» лица. Однако истинному мастеру присуще стремление как бы пройти через эту «поверхность», постичь скрытые за ней глубины, вывести ту сокровенную тайну, которой сопричастен изображенный человек. Портретный образ всегда многомерен, потому что прообраз живет как бы тройственной жизнью: витальной, органической в природе, социальной в обществе и духовной культуре. Создавая портрет, художник, сосредотачивая свое внимание на чем-то, что-то оставляет в тени (не всегда осознавая это). Это остающееся «теневое» пространство представляет собой область предполагаемых, подразумеваемых, но не изображенных свойств и качеств вместе с кроющимися за ними социокультурными и метафизическими смыслами. Оттуда идут импульсы, которые интригуют зрителя, провоцируя на дополнительные духовные усилия для того, чтобы проникнуть в за-

предельный мир иррациональных начал. И некоторым художникам это удается. Например, творческим гением Леонардо да Винчи был постигнут своеобразный метафизический прообраз Джоконды. Ее образ и все, что ее окружало, мастер поместил как бы в двойное пространство. На освещенные формы естественной предметности и человеческой телесности легла тень чего-то завораживающего загадочностью, порождающей ощущение некоей тайны, скрытые от явного понимания смыслы и шифры.

Художник должен не только разгадать находящийся перед ним нравственно-психологический «ребус», но и по мере возможности воссоздать рисунок чужой души, какой она ему видится. Если учитывать, что реальность полна случайным и несущественным, за которым нелегко обнаружить главное и существенное, то становятся очевидными заслуги великих портретистов, за внешними покровами умеющих узреть духовную сущность человека. Эти глубины, так называемые «дореальности» — одни из контекстов, изучаемых «неочевидной социологией», по выражению Р. Коллинза.

Кризисные явления в культуре XX—XXI вв. сопровождаются разрастанием уродливого, безобразного распада, разложения, «обездушевления» человека. П. Сорокин резко критиковал искусство середины XX в., прежде всего из-за характера тех персонажей, которые становятся героями: это извращенные, психически нездоровые, сумасшедшие, преступники, подлецы, отщепенцы рода человеческого, рассыпанные среди посредственностей [8. С. 803]. И в наши дни писатели так называемой «новой волны» или «другой прозы» обрушивают на читателя судьбы трагических, падших, разлагающихся персонажей, безысходность, опустошенность их жизни не столько потому, что стало «все разрешено, что не запрещено», сколько из-за мироотношения этих писателей, отражающего бездуховную повседневность. Р. Коллинз замечает, что «современный идеал небрежного, холодного, владеющего собой индивида — это не реакция против общества, это — та самая форма, в которую отлиты социальные идеалы сегодняшнего дня» [2. С. 461]. Дело именно в мировосприятии самих художников, потому что тот же трагизм и вымороженность нашей жизни не исключали возможности для Айтматова, Шнитке, Ахмадулиной, Полякова и многих других идти к выражению и утверждению другой реальности, которая не лежит на маскультурной поверхности, а той, масштабы которой измеряются все-таки торжеством человеческого духа. Вряд ли следует говорить вообще о современном искусстве как только о «массовом» в негативном смысле этого слова, забывая о поисках тех творцов, которые будто бы уходят от реальности, игнорируют ее, на самом деле стремясь проникнуть в более глубокие реальности, а быть может, в нечто такое, что мы называем «дореальным», — нетронутой реальностью, соединенной с воображаемым, где объект и субъект еще неразличимы. Речь идет об образе реального, созданного искусственно. Это знак — пластический, музыкальный или словесный эквивалент реального. Этот знак не подражает видимости потому, что про-является (обнаруживается). Его понимание не требует научного прочтения, но требует интенсивного участия, присутствия, «присвоения».

Х. Ортега-и-Гассет в поисках механизма такого понимания прибегает к сравнению с окном. Можно смотреть через окно в сад, не замечая стекла. Но можно настроить зрение иначе: смотреть на стекло. Тогда сад будет восприниматься в виде расплывчатых пятен, словно бы нанесенных на стекло. Есть ли это простой отказ от сходства с изображаемым, или своеобразный знак, смысловая форма? Во всяком случае, дело в такой настройке аппарата восприятия, чтобы видеть оконное стекло и не видеть сад за окном. Иными словами, например, в картинах Тициана, Рембрандта видеть не обнаженных женщин, а воспринимать и переживать впечатление, настроение от прекрасного.

Искусство есть не что иное, как поиск смыслообразующих основ бытия. Собственно человеческое бытие, конструктивность общественных отношений и социальных структур осуществляется творческими и духовными индивидами. При этом реализуется необходимость социальных преобразований деятельностью в личностно-духовном плане.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- [2] *Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно ориентированная социология. — М., 2004.
- [3] *Бердяев В.А.* Миросозерцание Достоевского. — Париж, 1968.
- [4] *Васильева В.В.* Порядок и хаос в развитии систем. — СПб., 1999.
- [5] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. — М., 1999.
- [6] *Почепцов Г.Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. — М., 1999.
- [7] *Слотердаjk П.* Критика цинического разума. — Екатеринбург, 2001.
- [8] *Сорокин П.* Социокультурная динамика. — СПб., 2000.
- [9] *Хаммер М.И., Чемпи Д.* Реинжинеринг корпорации. Манифест революции в бизнесе. — СПб., 1997.

PERSONALITY IN CULTURE, CULTURE IN PERSONALITY

I.I. Kvasova

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklai str., 10/1, 117198, Moscow, Russia

Personality is a dialectical interconnection between the social and the individual realized via activity, socializing, responsibility towards others, communication. The sense of self-actualization of the personality takes shape in the framework of the given process manifesting itself in various cultural phenomena, especially in art which is to the most extent personalized.

Key words: personality, communication, meaning content, social experience, values, culture, art.